

у „голубой линии“

1
Когда самолет Иры Себровой опустился на землю, очищенную нашими войсками от фашистских захватчиков, Ира вдруг почувствовала такое волнение, что не могла сразу выйти из кабины.

Долго, жадными глазами она смотрела вокруг, а потом сказала своему штурману Наташе Меклин голосом, полным счастья:

— Смотри, Наташа, — освобожденная земля!..

И хотя прежде она даже не слыхала об этой небольшой станице, куда прилетел полк с началом наступления, все здесь представлялось необычайно милым, бесконечно дорогим ей, москвичке Себровой.

Что же говорить о чувствах, обуревавших Евдокию Бершанскую, когда она со своим полком оказалась в станице Пашковской, с которой было связано в ее жизни так много светлого, высокого!

Евдокия Давыдовна незадолго до войны работала в этом краю. Ее знали в Пашковской как командира звена авиаотряда, уничтожавшего с воздуха вредителей на окрестных полях, помогавшего выращивать богатые урожаи. Ее уважали и помнили как избранника народа, депутата Краснодарского городского совета, члена Пашковского райисполкома.

И вот она вернулась к своим избирателям, к своим друзьям во главе гвардейского авиационного полка, в рядах армии-освободительницы.

Сколько радостных встреч, душевных бесед! Лица людей светились счастьем заново обретенной жизни. Все, казалось, было залито праздничным светом. А на улицах цвели яблони и вишни, сияло солнце, шествовала щедрая кубанская весна.

Но до полной победы было еще далеко, на пути к ней еще оставались длительные, трудные и жестокие испытания, и Бершанская хорошо понимала это.

Во время очередной политинформации, тотчас после прилета в Пашков-

*Герой Советского Союза
летчица Ирина Себрова.
Совершила 1008 боевых вылетов*

скую, она рассказывала девушкам, как привольно жилось здесь советским людям до войны, как лютовали тут фашисты, как много еще предстоит сделать, чтобы очистить всю советскую землю, добить фашизм...

Расположившись на большом, хорошо оборудованном аэродроме, полк не медля приступил к боевой работе.

Условия ночных полетов в этот период сильно осложнились. Фронт временно стабилизировался. Гитлеровские дивизии закрепились на новом рубеже, создав несколько сильно укрепленных оборонительных линий, насыщенных средствами противовоздушной обороны. Особенно сильно была укреплена так называемая «Голубая линия», простиравшаяся от Новороссийска до берегов Азовского моря. Здесь, в горах и ущельях, на возвышенностях и равнинах, окруженных болотами и плавнями, засели отборные фашистские части, оградив себя огненной завесой. Гитлеровцы стали применять новую тактику борьбы с налетами наших ночных бомбардировщиков: сочетание действий прожекторов и истребителей. Трудно было на малень-

ких «По-2» маневрировать в таких условиях, сбрасывать на цель бомбовой груз и уходить невредимыми.

Авиация противника совершала частые налеты на Краснодар и другие населенные пункты, недавно освобожденные Советской Армией.

Наконец, метеорологические условия в то время года были очень нелегки в этом краю: сильные изменчивые ветры, нисходящие и восходящие воздушные потоки в горах и ущельях, лунные ночи, когда противник легко мог разглядеть наши самолеты.

Чтобы освоиться с новой обстановкой, нужна была тщательная тренировка всего летного состава, как «старого», уже испытанного в боях на Тереке, так и нового, прибывшего за последнее время. Эта работа проводилась параллельно с выполнением боевых заданий.

Новых летчиков и штурманов тренировали, кроме Амосовой, также Никулина, Смирнова, Попова, Руднева, Чечнева, Розанова и другие «ветераны» полка. Все они летали бесстрашно и в изменившейся обстановке

находили способы обманывать противника, обходить опасные зоны, сбрасывать бомбы точно на цель и уходить невредимыми из-под обстрела.

Полк снова напряженно воевал.

2

В одну из мартовских ночей штурман Рая Аронова с Катей Пискаревой вылетели в район станицы Кивеской, западнее Краснодара. Задание было — разбомбить перекресток дороги.

Этот полет запомнился Рае на всю жизнь. Она рассказывает:

«Мы подлетели к цели. Включилось несколько прожекторов: мечутся, ищут нас. Начали бить зенитки — наобум.

Ветер был, как назло, встречный. Мы шли над целью, и тут прожекторы поймали наш самолет, зенитки стали бить точно. Кругом — разрывы.

Обычно в таких случаях рекомендуется сбрасывать бомбы: если попадут в бомбу, то конец. Но я решила не сбрасывать, мне хотелось ударить именно по той цели, на которую получила задание.

Смотрю — в самолете дырки, пробоины. Вдруг взрыв в одном крыле. Самолет накренился. Я думаю: «Перебит лонжерон...»

И вдруг — острая боль в боку. Мне показалось, что пуля попала в наган, взорвались все патроны. Боль была острая, обжигающая. Но я забыла о ней, думала об одном: точно выйти на цель.

И вышли. Тут и сбросили бомбы.

Когда отбомбились, очень удачно, нам удалось выйти из-под обстрела. Летим домой.

Я сначала не хотела говорить летчице о ране, потом чувствую, что очень больно. Говорю летчице:

— Кажется, я ранена.

Она перепугалась:

— Крепись, держись, посмотри лучше!

Герой Советского Союза
летчица Наталья Меклин.
Совершила 980 боевых вылетов.

Включила свет в кабине, смотрю — дырка в комбинезоне, рука вся в крови. Я говорю:

— Может быть, легко ранена. Ты не поднимай шума! Перевяжут, и опять полетим. Если узнает Бершанская — не пустит.

— Ладно, — отвечает Катя, оглянувшись, а глаза у нее грустные.

Когда на аэродроме я стала вылезать из кабины — не могу. Брюки, комбинезон полны крови. Еле-еле вылезла с помощью девушек.

Рана оказалась глубокая — от снаряда. Много осколков. Сделали операцию, извлекли осколки и отправили меня в армейский госпиталь.

Рана заживала, но мне надоело лежать. Я пролежала полтора месяца, это было невыносимо. Все уговаривала врачей, чтобы меня отпустили.

В это время Жигуленко, Ульяненко и другие начали переучиваться на летчиков. Мне тоже очень хотелось стать летчиком, поэтому я рвалась в полк.

Вышла с незажившей раной, но скоро она совсем зажила, только шрам остался. А когда вышла, переучилась и стала летчиком».

3

Когда Наташа Меклин поделилась с Ирой Себровой своим стремлением стать летчиком, Ира огорчилась.

— Зачем это? — сказала она. — Ты и как штурман приносишь много пользы, хорошо работаешь. А к тому же, — добавила она немного нерешительно, — мы с тобой хорошо слетались, мне без тебя будет хуже и тебе — без меня.

Наташа согласилась с этим, но стояла все же на своем. Тогда Ира начала ее тренировать. Возвращаясь на аэродром с боевых полетов, она давала управлять самолетом Наташе.

Накопив опыт, освежив и дополнив свои теоретические знания, Наташа вскоре успешно сдала зачеты и начала сама водить самолет в бой. А Ира стала летать с другим штурманом, Галей Докутович, и между ними быстро установилась, по определению Иры, «полная договоренность».

После одной из боевых ночей Галя писала в своем дневнике:

«...Сделали пять вылетов. Из них три были замечательными — два взрыва с клубами дыма и один огненный взрыв с пожаром на всю ночь.

Мы летим, а я ей говорю:

— Ира, милая, у меня сегодня хорошее настроение. Ты только не торопи меня, и все будет в порядке!..

Так и вышло.

Вчера в полетах все время думала о постороннем. Я стою перед жизнью огромной и сложной. В эту жизнь я завтра должна вступить. Сколько радост-

ных чувств и огромного счастья в этом маленьком слове — жить!.. И это тогда, когда по самолету стали бить зенитки...».

Вот другая запись в Галином дневнике:

«...Вчера, как всегда, опять работали. Сделали шесть боевых вылетов.

В первый же полет подорвали склад горючего. Огромный пожар так и горел целую ночь.

А девушки, чудачки, все поздравляли меня за такой удачный удар...».

Полк постигало и тяжелое горе. Враг сопротивлялся ожесточенно, силы его были значительны. И вот в одном из боевых вылетов фашистские зенитки подбили два самолета.

Смертью храбрых пали в бою командир эскадрильи Полина Макогон и ее штурман Лида Свистунова. Оборвалась жизнь летчицы Юлии Пашковой, а штурман Катя Доспанова была тяжело ранена.

Потеря любимых подруг острой болью отозвалась в сердцах. Эта боль находила выход в борьбе, в еще более дерзких и сильных ударах по кровавым фашистским извергам.

Галя Докутович писала в те дни:

«Вчера похоронили Юлю Пашкову. 20-летнюю веселую Юльку, певунью и плясунью, смелого и умного летчика...»

Пройдет много лет, окончится война. И на месте трех могил люди построят красивый мраморный памятник.

Это будет стройная девушка с задорно закинутой назад головой. Кругом будет много прекрасных цветов. И матери скажут своим маленьким детям: «Здесь похоронены летчицы».

Дети с уважением и любопытством будут смотреть на красивую мраморную девушку и плести венки на каменных ступенях памятника...»

...Утром на аэродроме в Пашковской — тишина. Высоко в голубом апрельском небе стайками летали наши «ястребки». Теперь их время. Девушки-летчицы спали после боевой ночи. Весенние ночи еще достаточно длинные, чтобы успеть сделать по пяти — шести вылетов и сбросить на врага тысячи

Штурман Екатерина Доспанова.
Совершила 300 боевых вылетов

Герой Советского Союза
летчица Раиса Аронова.
Совершила 960 боевых вылетов

килограммов бомб, десятки тысяч листовок. И девушки это делали из ночи в ночь.

А сейчас они отдыхали. Только авиамеханики трудились у самолетов. Многие машины вернулись с пробоями в крыльях, с тяжелыми и легкими повреждениями. Надо все осмотреть и, что можно, тут же исправить. Маша Щелканова, Мэри Жуковицкая, Вера Дмитриенко, Аня Шерстнева, Зина Петрова, Тоня Вахрамеева, Вера Титова, Галина Пилипенко работали быстро и ловко. Их опытный глаз не упускал ни одной мелочи. Им помогали вооруженцы Маша Марина, Лида Гогина, Нина Бузина, Лида Николаева, Зина Вишнева. Материальная часть должна действовать безукоризненно, безотказно, и девушки не жалели для этого ни времени, ни сил.

Спустя некоторое время у самолетов появилась заместитель командира эскадрильи по политчасти Ксения Карпунина.

— Здравствуйте, товарищи! Тут среди вас должна быть новенькая, только на днях прибывшая из Тбилиси — Катя Бройко. Где она?

— Здесь, работает у машины номер пять.

— Позовите ее сюда.

Нина Бузина бросилась к стоявшей на краю поля машине и вскоре привела черноглазую девушку выше среднего роста. Она на ходу вытирала руки паклей.

— Екатерина Бройко?

— Так точно, товарищ гвардии капитан!

— Я слышала, что вы хорошо рисуете.

— Хорошо ли — не знаю, а рисовать люблю.

— Так вот и порисуете вдоволь. Будете оформлять первомайский номер нашей стенной газеты. Пойдемте со мной, я познакомлю вас с редактором.

По дороге в штаб Карпунина сказала Кате, что стенгазета «За Родину» всегда хорошо оформляется, а на этот раз, к празднику, должна быть особенно нарядной.

— Постараюсь сделать все, что смогу, — ответила Катя и, воспользо-

вавшись случаем, стала расспрашивать обо всем, что было еще неизвестно ей в жизни полка. Карпунина охотно отвечала, и Катя почувствовала, что хотя в полку дисциплина соблюдается строго, но отношения здесь очень простые, товарищеские и далеки от холодной официальности.

Несмотря на ранний час, в штабе, занимавшем третий этаж полуразрушенного здания, работа была в разгаре. Здесь были начальник штаба Ракобольская и ее ближайшие помощники Аня Еленина, Ася Шарова, Нина Волкова, Рая Маздрин, Рая Орлова, Нина Сердюк, Нина Худякова. Стучала машинка — заготавливали какие-то списки, оформляли документы вновь прибывших девушек, составляли очередные приказы по полку.

Катя жадно ловила обрывки разговоров — все для нее было ново и интересно.

— Юшину, — диктовала Рая Маздрин машинистке, — Олейник, Тепикину, Дудину... Написала? Хорошо. Это все новые летчицы. А теперь возьмемся за техников. Пишите: Пономаренко Галина, Радько Александра...

За другим столом слышался голос Ракобольской:

— Надо заготовить два приказа, первый: «Возвратившаяся из санатория младший лейтенант Докутович Галина Ивановна назначается штурманом звена», второй — о возвращении из санатория Дуси Носаль...

В комнату вошли Таня Сумарокова, Ира Каширина и Дуся Носаль. С Кашириной Катя была уже знакома. Они познакомились в день ее приезда здесь же, в штабе, где Ира была дежурной. Ира очень пришлась ей по душе своей скромностью и женственностью, не верилось даже, что эта красивая, нежная девушка — испытанный боевой штурман. Теперь она познакомилась с Носаль и Сумароковой.

Таня Сумарокова оказалась редактором стенной газеты. Они ушли в другую комнату. Там на столе лежал макет газеты, и девушки принялись за работу. В открытую дверь до них донесся голос Дуси Носаль:

— Я летаю сегодня с Иринкой.

Вооруженец Лидия Николаева

Второй раз за ночь Дуся вела самолет в бой. Это был ее 354-й боевой вылет. В штурманской кабине сидела Ира Каширина, бывший авиамеханик, а теперь штурман. Только недавно они начали летать вместе.

Мягко струился на землю обманчивый лунный свет. Казалось, покоем и тишиной дышит небо. Но время от времени протягивались ввысь длинные шупальца прожекторных лучей, ярко вспыхивали разрывы зенитных снарядов.

Самолет вышел на цель. Бомбы полетели вниз, а через несколько секунд в небо помчались светящиеся полосы трассирующих пуль.

Носаль положила машину на обратный курс. Внезапно справа показался силуэт вражеского самолета и на большой скорости промчался мимо.

Нисходящий воздушный поток прижимал «По-2» к горам. Пришлось вернуться в район цели, чтобы набрать высоту. На развороте снова появился самолет противника.

И вдруг в кабине Носаль словно разорвался огненный шар. На мгновение Каширина была ослеплена и тут же почувствовала, что самолет теряет управление. Машинально сжала штурвал, выровняла машину. И только тогда ощутила, что лицо ее забрызгано кровью, и увидела, что подруга склонила голову на приборную доску.

— Дуся, Дуся! — воскликнула Ира, но ответа не было.

Может быть, она только ранена, может быть, удастся спасти ее... А с управлением не ладилось. Дуся своим телом прижала ручку педали. Пришлось оттянуть ее на сиденье один раз, второй...

На высоте неожиданно почувствовалась тряска мотора. Вот уже показалась линия фронта. Начался зенитный обстрел. Повернуть бы в сторону. Но нет, надо идти только вперед, иначе можно опоздать.

При плохой видимости (в воздухе была густая дымка), не имея опыта пилотирования, девушка привела самолет к своему аэродрому.

На посадке ноги летчика еще туго зажали педали. Кашириной трудно было справиться с машиной. Ведь впервые в жизни ей пришлось совершать посадку ночью!

Самолет грузно коснулся земли и замер в стороне от старта. Когда Ирина выключила мотор, первое ее движение было обращено к летчику, но Дуся уже не дышала.

Бершанская с тревогой следила за посадкой самолета.

«Что-то случилось, — думала она, — это не похоже на Дусю, не ее манера посадки...»

Бросились к самолету. Навстречу — Каширина.

— Боевое задание выполнено, — сказала она так тихо, что Бершанская скорее почувствовала, чем услышала ее слова.

В кабине лежало бездыханное тело Дуси Носаль. Смерть наступила мгновенно. То, что Ире показалось разрывом огненного шара, было разрывом пушечного снаряда, пущенного слету фашистом.

В глубокой печали хоронили девушки подругу. Ей отдали воинские почести. Над могилой прогремел салют.

«...У, проклятые фашисты! — писала в тот день Женя Руднева в своем дневнике. — Не-на-ви-жу! Сколько светлых жизней оборвали вы своей грязной лапой!...».

Снова и снова поднимались в воздух самолеты, неся врагу разрушение и смерть, святую месть.

Через некоторое время пришел приказ о посмертном присвоении Евдокии Носаль звания Героя Советского Союза. Ирина Каширина была награждена орденом Красного Знамени.

После гибели Носаль ее самолет перешел к Ирине Себровой. На приборной доске Ирина увидела портрет Грицько — мужа Дуси. На портрете были следы крови.

«А Грицько воюет сейчас где-нибудь на фронте и не знает, что Дуси уже нет в живых», — подумала Себрова, и сердце ее сжалось от боли.

— Мы еще повоюем! — произнесла она вслух, выруливая машину на старт. — Наша кровь им даром не пройдет!

Работник штаба полка
Раиса Орлова

5

Первое мая 1943 года.

Накануне в полку состоялось торжественное заседание на открытом воздухе. Всему личному составу были вручены гвардейские значки, многие впервые получили офицерские звания, многие — ордена и медали. Это радовало девушек: значит они достойно выполняют долг перед Родиной, значит крепко бьют врага.

Мысль уносилась вперед: вот разобьем врага, освободим всех узников фашизма, — как тогда вольно и весело станет жить на земле!

Сияло солнце. Сады, которых так много на Кубани, стояли в цвету.

*Штурман Ирина Каширина.
Совершила 360 боевых вылетов*

И кругом — цветы, цветы. Летчицы украсили ими свое общежитие, кабины самолетов.

Одно омрачало праздник — тревога за Лелю Санфирову и Руфину Гашеву, которые в ночь на 1 Мая не вернулись из боевого полета. Никто не верил, что с ними стряслась беда, не хотел верить, но мысль о них волновала всех.

Эти отважные скромные девушки к тому времени имели на своем счету уже несколько сот боевых вылетов. Санфирова до войны работала в аэрофлоте, окончила Батайскую школу ГВФ, искусно владела техникой пилотирования. Гашева слыла одним из лучших штурманов полка.

Что же с ними приключилось? Где они теперь?

Как раз в день этого вылета обе девушки получили гвардейские значки, а Леля Санфирова — орден Красного Знамени. Решили отметить радостное

событие особенно крепкими и частыми ударами по врагу.

«Летим уже в третий раз, — рассказывала потом Гашева. — Бомбили скопления автомашин противника. До цели осталось немного.

Вот изгиб дороги. Здесь наша цель. Развернулись на боевой курс. Вдруг прямо в мотор ударил снаряд. Мотор перестал работать. Цель под нами. Бросаю бомбы. Самолет дрогнул. Высота уменьшалась с невероятной быстротой. Позади — пожар от наших бомб, впереди — линия фронта... Но вот уже земля. Самолет падает на территорию, занятую врагом. Поднялась неистовая стрельба. Нас заметили.

Взяв планшеты, мы быстро выскочили из самолета, выстрелили в него из ракетницы, подожгли, а сами отползли в сторону и добрались ползком до железнодорожной насыпи. Через каждые пятьдесят метров — немецкие патрули. Временами они освещают дорогу ракетами.

Мы быстро переползли через дорогу. За ней — изрытое снарядами поле. Нельзя поднять голову — сразу же автоматная очередь. Скоро рассвет, а укрытия нет.

И вдруг радость — заквакали лягушки. Значит близко болото, и в прибрежных зарослях мы найдем где укрыться. Теперь мы были уверены, что

доберемся до своих. Усталости не чувствовали. Только надо было соблюдать крайнюю осторожность.

Хотели устроиться под густым кустом, но автоматная очередь с дерева заставила нас искать другое пристанище. Нашли укромное местечко, затащили потуже ремни — и сидим. Полный рассвет. Сегодня — 1 Мая!

Как хочется жить! Что там делают наши девушки? Вероятно, беспокоятся за нас...

Страшный шум потряс воздух — идут наши истребители.

Сзади ударили зенитки. Рядом падают осколки снарядов. Мы тесно прижались друг к другу. Наши самолеты непрерывно бомбят и штурмуют. Прямо над нами завязался воздушный бой. Наблюдаем и радуемся за своих...

Но вот небо покрылось тучами. Моросит дождь. Холод пробирается под гимнастерку. Стало совсем тихо. Стемнело, пора идти. Обошли стороной зенитку. Над головой слышно знакомое стрекотание — мы узнаем свои маленькие самолеты. Это летят на боевое задание наши подруги, и мы радуемся и гордимся ими.

Просидели в кустах еще один день.

Второе мая — сегодня день рождения Лели. Что бы ей подарить? Роюсь в карманах брюк, нахожу несколько семечек подсолнуха и даю ей.

В эту ночь нам пришлось пробираться через кучи сваленных деревьев, противотанковый ров и две небольшие речушки.

На рассвете следующего дня мы вышли к передовым позициям наших частей. Нас очень радушно встретили, накормили и помогли добраться до полка.

И вот мы снова среди своих, среди близких и родных подруг...».

То, что произошло с Санфировой и Гашевой, было только эпизодом фронтовой жизни, никак не отразившимся на их дальнейшей боевой работе. Они продолжали летать так же смело, так же настойчиво и, когда в полете вспоминали о той ночи, думали: «А ведь бомбы мы все же сбросили на цель, причинили фашистам немало бед...».

И сердцами девушек владело стремление бить врага еще сильнее.

Наступил тот период Великой Отечественной войны, когда гитлеровское командование после ряда крупных поражений на советском фронте (под Сталинградом, на Кавказе, на Дону, у Великих Лук, под Ленинградом, под Ржевом и Вязьмой) бешено готовило новое летнее наступление на Центральном фронте, в районе Курской дуги. Гитлеровцы намеревались срезать выступ, образовавшийся в результате успешного наступления Советской Армии, глубоко вклинившись в их расположение, окружить советские войска, расположенные в этом выступе, и открыть себе прямую дорогу на Москву. В случае успеха этой операции гитлеровское командование рассчитывало на верстать потерянное.

Силы врага были подорваны сталинградской катастрофой и крупными неудачами на других участках советского фронта, инициатива из его рук

Герой Советского Союза
летчица Ольга Санфирова.
Совершила 800 боевых вылетов

бардировщики и истребители, ночью — легкие бомбардировщики, среди которых были и самолеты гвардейского женского полка.

Галя Докутович написала в те дни стихотворение, особенно полюбившееся девушкам:

Грозными армадами идут бомбардировщики,
А над ними стайками вьются ястребки.
Дрогнет враг, попятится, в гости к нам непрошенный,
Побежит с разгневанной солнечной земли!

— «Разгневанная солнечная земля»... — повторяли девушки задумчиво — Как это верно, точно сказано!

И снова легкокрылые «По-2» несли врагу гневное возмездие, падали бомбы, гремели взрывы на «Голубой линии».

В станице Ивановской было большое летное поле, но порой на нем скопилось так много самолетов, что им становилось тесно, и тогда их разруливали по улицам и маскировали.

Здесь, на Кубани, в истребительных полках сражались Герои Советского Союза братья Дмитрий и Борис Глинки, Александр Покрышкин и мно-

была вырвана, но он еще обладал достаточными возможностями для того, чтобы предпринять серьезное наступление в одном пункте и не отдавать без ожесточенного сопротивления ни одного клочка захваченной территории.

Полк в это время находился в станице Ивановской, в нескольких десятках километров от «Голубой линии».

Обширный плацдарм в районе Новороссийска и Таманского полуострова захватчики хотели сохранить во что бы то ни стало. Он был им нужен не только для того, чтобы удерживать в своих руках Крым и обеспечивать себе свободу действий на Черном море, — они лелеяли надежду в случае удачи на Центральном фронте вторично двинуться на Северный Кавказ и прорваться к грозненской и бакинской нефти.

Войска Северокавказского фронта подтачивали оборону противника, не давали ему покоя ни днем, ни ночью. В этих боях авиация играла выдающуюся роль. Днем действовали бом-

гие другие доблестные пилоты. Девушки с восхищением наблюдали воздушные бои наших истребителей.

Боевые «ночи-максимум» чередовались с периодами затишья, когда по указанию командования полк в целом не летал, а на боевую работу отправлялись лишь отдельные экипажи.

Свободные от полетов девушки собирались летними вечерами на аэродроме. Приходили летчики из соседних полков, завязывались оживленные беседы, лились фронтовые песни. Но вот в песню врывается рокот возвращающегося с задания самолета. Техники и вооруженцы, узнавая по расчету времени, по звуку мотора «свой» самолет, бросались ему навстречу.

Нередко «По-2» возвращались на аэродром с пробоинами в плоскостях.

— Это где ж вас так угораздило? — спрашивали техники.

— В районе Крымской. Зато и фашистам досталось!

— А вас где? — слышалось около другого самолета.

— В районе Варениковской. Ну и огонь был! Пять минут нас держали в прожекторах — целую вечность...

Самолеты откатывали в сторону. Авиамеханики тотчас брались за работу.

Вскоре для полка пришел праздничный день.

Получив накануне 1 Мая гвардейские значки, летчицы с нетерпением ждали следующего знаменательного акта — вручения полку гвардейского знамени. Оно состоялось 9 июня.

Все эскадрильи тщательно готовились к этому дню. Каждый экипаж, каждый член дружного боевого коллектива стремился отметить его боевыми успехами. Несмотря на сильное противодействие противника, яростный огонь зениток, экипажи всех эскадрилий нанесли новые мощные удары по наиболее укрепленным пунктам «Голубой линии».

Летчица Магуба Сыртланова и ее штурман Ася Пинчук для того, чтобы бить фашистов наверняка, резко снизились над целью. Когда раздался взрыв, самолет так подбросило взрывной волной, что Магуба на какой-то момент упустила управление. Но зато и радовались же они удачному попаданию!

Герой Советского Союза
штурман Руфина Гашева.
Совершила 848 боевых вылетов

— Даже запели в воздухе, — вспоминает Магуба, — благо слушать было некому. Поем мы, прямо сказать, неважно...

А Женья Руднева после одного из боевых вылетов в те дни писала Дине Никулиной:

Помнишь, когда переправу разбили,
Радость сдержать не хватало нам сил.
Ты и на ручку «совсем не давила»,
А ветер на крыльях домой уносил...

И вот наступило 9 июня. День выдался непогожий, с низко нависшими облаками, и это было более чем кстати: нечего было опасаться, что фашистские бомбардировщики помешают празднику.

Наутро весь полк собрался на большом лугу и построился по эскадрильям. Раздалась команда «Смирно» — приближались представители высшего командования.

Командир полка майор Бершанская пошла навстречу и отдала рапорт. Командующий авиационным соединением приветствовал полк, на это последовало ответное приветствие и громкое, дружное «ура».

Был зачитан Приказ Верховного Главнокомандующего о присвоении полку звания Гвардейского. Затем член Военного Совета, сняв чехол с древка, передал знамя командиру полка. Бершанская развернула знамя и поцеловала его край. Девушки впились глазами в бархатное, обрамленное золотой бахромой полотнище с вышитым на нем портретом основателя Советского государства Владимира Ильича Ленина. Всем почему-то сразу вспомнилась Москва, зубчатые стены Кремля, мавзолеев... А командир полка взволнованно говорила:

— Товарищи гвардейцы! Принимая Гвардейское знамя, дадим клятву, что высокое звание гвардейцев оправдаем с честью в ожесточенных боях с врагом... Мы, советские женщины, пронесем Гвардейское знамя через фронты Отечественной войны до окончательного разгрома врага! Будем преданно служить Родине, защищать ее мужественно и умело, не щадя своих сил, крови и самой жизни!

Зазвучали слова клятвы, сотни голосов слились в один — сильный, страстный.

А потом знаменосцы Наталья Меклин, Ирина Каширина и Катя Титова пронесли знамя перед строем. «Ура» долго гремело по лугу.

Затем полк приветствовали командующий и член Военного Совета, еще в городе на Волге напутствовавший девушек на ратные подвиги, представители соседнего полка, боевые подруги из полка «Петляковых».

Заместитель командира полка Серафима Амосова (слева)
и штурман Руфина Гашева

Вечером все собрались в одном из просторных домов станицы Ивановской. Было спето много песен, провозглашено много тостов — за Родину, за партию, за победу, за успехи женского гвардейского полка.

Хорошо запомнилось горячее выступление Тани Макаровой.

— Я — простая советская девушка, — сказала она взволнованно, — выросла в рядовой крестьянской семье. Воспитал меня комсомол. Благодаря комсомольской организации я стала летчицей, благодаря комсомольской организации я попала в этот полк и смогла встать в ряды активных защитников Родины. Наш полк — это моя гордость. Мы стали гвардейцами, и теперь я еще более горда. Что такое гвардия? Это лучшее, что есть в армии! Гвардия, говорят, умирает, но не сдается. Да, мы тоже готовы отдать жизнь за Родину! Но наша задача — не умирать, а жить и бороться за счастье и процветание Родины. Под Гвардейским знаменем я буду бить врага еще сильнее и выполняю свой долг до конца!

Правда этих слов Тани была ясна всем, кто знал, как она сражается. А знал это весь полк, и потому аплодисменты после ее речи были такими звонкими, долгими, что девушка смутилась, покраснела и, опустив свои голубые ясные глаза, явно не могла решить, как быть: то ли продолжать стоять, то ли сесть, то ли снова говорить о том, что само собой рвется из сердца в такой радостный день, в кругу любимых боевых подруг...

Чем жил в ту пору полк, что его заботило, веселило и печалило — все это нашло отражение на страницах литературного журнала, выпущенного в эскадрилье Дины Никулиной, или, как значится на обложке, «подразделение гвардии старшего лейтенанта Никулиной».

Редактором журнала была Галя Докутович, а создавался он усилиями всей эскадрильи: одни писали в него, другие украшали рисунками, третьи переписывали — шутка ли, целых четыре экземпляра! — сброшировывали, делали обложку — не какую-нибудь бумажную, а настоящую, картонную!

Журнал открывался статьей Жени Рудневой «Боевой путь».

«Скоро год, как мы на фронте, — читаем в этой статье. — Всего только год, а как мы изменились, как выросли!

...Мы стали военными людьми. Новая черточка появилась у каждой — сознание воинского долга, строгой воинской дисциплины.

...В первые дни, когда наш полк еще не начинал своей боевой работы, не только рядовые летчики, но даже командование соединения недоверчиво относилось к нам, все еще сомневались в том, способны ли мы воевать. Мы много раз слышали об этом. И скоро им пришлось убедиться в той высокой коммунистической сознательности, в том огромном патриотическом подъеме, с которым мы принялись громить врага. А это определяет боевой успех.

...Борьба с трудностями закалила нас. Посмотрите на любую из наших подруг. Вот Наташа Меклин, скромная, спокойная девушка. По ее внешности можно подумать, что ремесло воина, такое суровое, ей не по плечу. А ведь она боевой штурман, дважды орденосец, без отрыва от боевой работы овладела специальностью летчика-ночника...».

Статья заканчивалась так:

«Мы бьем гитлеровцев единой семьей бойцов Красной Армии, под знаменем единственного пока еще в мире гвардейского женского полка. Мы деремся за его честь и славу, мы жестоко мстим за наших погибших подруг.

Мы деремся за победу, за счастье, за будущее своего народа».

Перевернув страницы, видим «Поэму о полку», написанную Ирой Кашириной. На следующих двух страницах — «Гвардейский марш» Наташи Меклин и ее же стихотворение «У-2», посвященное тому маленькому, но славному самолету, на котором сражался полк.

После стихов — проза: рассказ Гали Докутович «Письмо». Это неотосланное письмо девушки-авиатора другу, который «похож на Овода, немножко на Павку Корчагина». Сквозь строки его явственно виден облик замечательной девушки, сильной и духовно цельной, самоотверженно борющейся за свободу и счастье народа.

Обход полка после вручения гвардейского знамени.
Впереди — Е. Д. Бершанская, за ней — Е. Я. Рачкевич

Стихотворение Наташи Меклин «Ночью» рисует картину ночного полета над Кубанью:

...Рядом — цель, уже под нами
Видны ленты трасс цветных.
Шарят по небу лучами —
Не уйти теперь от них.

Вот нащупал где-то справа,
Вмиг включилось сразу пять.
Чуть левее переправы
Начал пулемет стрелять.

Пять секунд — и цель под нами!
Бомбы сброшены. Внизу,
Ослепляя зеркалами,
Медленно лучи ползут...

И, обращаясь к фашистам, автор говорит:

Бросьте вы напрасные порывы,
Мы ушли от вас и в этот раз!

Статья Иры Дрягиной, посвященная памяти Любы Ольховской и других девушек, павших в бою, начинается так:

«Я вчера писала в письме матери, что наши дни, наша молодежь кажутся мне живыми страницами из «Как закалялась сталь». Живешь и видишь, как много кругом тебя простых и хороших людей, как много настоящих скромных героев!».

Читая дальше журнал, видим статью Жени Рудневой о дружбе.

«...Мы, добровольно пришедшие в армию по путевкам комсомола, счастливы от сознания, что каждая из нас может сказать: «Я — борец за народное счастье». Каждый день, разумеется, об этом не думаешь. Жизнь складывается из отдельных деталей, из мелочей и основного — боевой работы. И вот, если на работе у тебя все в порядке, о мелочах забываешь, если свезешь фашистам хороший «подарочек» и у них там получается приличный взрыв или пожар, то все пустяки — и непорядки в столовой и холод в общении».

Женя — за тесную дружбу, дружбу принципиальную, взыскательную. В ее статье говорится:

«...Я штурман, а Хорошилова техник по вооружению. На старте, дома при разборе полетов, на партийном или комсомольском собрании мы всегда с ней ругаемся по поводу подвески бомб, об отношении вооруженцев к работе, о том, кто виноват, когда зависают бомбы, — штурманы или вооруженцы. А вообще Саша — одна из моих лучших подруг в полку, мы с удовольствием вместе проводим время. Мы одинаково боимся за работу полка. В целом наши споры ведут к улучшению работы».

И в заключение: «...больше всего в мире мы любим свою Родину и счастливы тем, что в состоянии ее защищать, отдать ей всю жизнь, если понадобится, — затем и шли».

Журнал заканчивается юмористическим разделом.

В «Балладе о храбром штурмане» Наташа Меклин лукаво повествует о всевозможных задачах и огорчениях, постигающих в полете штурмана, который «давно обижен злой судьбой».

Сначала он теряет курс:

...Ветер злобно завывает,
Сносит нас, куда — не знаю...

Потом забывает время полета:

...Два часа уже проходит,
Штурман цели не находит...

Кончается все тем, что самолет, оставшись без горючего, делает вынужденную посадку:

...Из кабины быстро выбираюсь,
Вот досада — злюсь и чертыхаюсь, —
Мы сидим на самолете,
Негде стать — кругом болото!

Последние страницы журнала отведены юмористическим «Фрескам о наших буднях», написанным Раей Ароновой и Полиной Гельман. Здесь высмеиваются те, кто не прочь прихвастнуть, кто бьет мимо цели.

Выход «Литературного журнала» был большим событием в жизни полка. Все материалы жадно прочитывались, а стихотворения девушки переписывали в свои записные книжки и дневники.

7

Командующий фронтом генерал Петров еще ни разу не был в женском авиационном полку. И надо же было, чтобы он попал сюда неожиданно, при обстоятельствах, никак не лестных для полка.

Раннее июньское утро. Боевая работа уже окончилась, летный состав направился отдыхать, и на КП аэродрома остался только дежурный.

В это время генерал Петров, проезжая через станицу, обратил внимание на ее необычный вид: то там, то здесь вдоль улицы и в садах между хатами виднелись самолеты. Генерал остановил автомобиль и направился к самолетам.

Лишь у одного «По-2» возилось несколько девушек. Это были авиатехники, которые спешили закончить осмотр и ремонт машин до наступления жары. Увлечшись работой, они не заметили подошедшего генерала.

Он пошел дальше. Боевого охранения у самолетов не было. Генерал заглянул в кабину одного из них, взял здесь ракетницу, подошел к другой машине, захватил еще одну ракетницу и, насупившись, быстро пошел на КП.

— Кто здесь находится?

— Дежурный по аэродрому гвардии младший лейтенант... (фамилии генерал не расслышал).

— Объявите тревогу!

Герой Советского Союза
командир эскадрильи
летчица Евдокия Никулина.
Совершила 700 боевых вылетов

Младший лейтенант направилась к аппарату.

— Стой! — окликнул генерал. — Разве так надо выполнять команду? Порядка не знаете. Бегом!

Дежурная бросилась бегом. Весь полк был поднят по тревоге. Первыми прибежали техники и вооруженцы — они жили рядом с летным полем. Летный состав находился в станице, в двух километрах от аэродрома. Летчицы поднялись с постелей, быстро оделись, захватили противогазы и пустились бегом. Запыхавшись, они прибежали на аэродром, не зная, что случилось.

Тем временем авиатехники успели снять чехлы с моторов и подготовить самолеты к вылету. Экипажи заняли свои места и полетели в зону ожидания. Тут они увидели сигнал-ракету: «Возвращаться на аэродром!».

Генерал был крайне раздражен. Ему не понравилось в полку многое: и отсутствие боевого охранения у самолетов, и плохой сбор по боевой тревоге, и недостаточная строевая выправка, и разноряд в одежде.

Он подошел к Рае Маздриной и туго затянул на ней поясной ремень.

— Вот какой должна быть заправка!

Заставил стрелять по мишеням. У девушек дрожали руки от волнения, и результаты стрельбы оказались неважными. После этого генерал сам произвел несколько выстрелов — и все в цель.

— Вот как надо стрелять! — сказал он.

Генерал сурово отчитал девушек за потерю бдительности, сделал ряд резких замечаний о состоянии полка, отметил много недочетов и дал короткий срок на их исправление.

— Через месяц приеду проверить, — сказал он, сухо попрощался и уехал.

В первый момент летчицы были потрясены. Некоторые считали упреки командующего незаслуженными.

— Поднять нас с постелей после боевой ночи, требовать, чтобы мы были аккуратно одеты, — не слишком ли это? — говорила одна.

Ей вторила другая:

— Да ведь мы еще и умыться не успели и пешком пробежали два километра по пыльной дороге! Не на парад же нас вызвали...

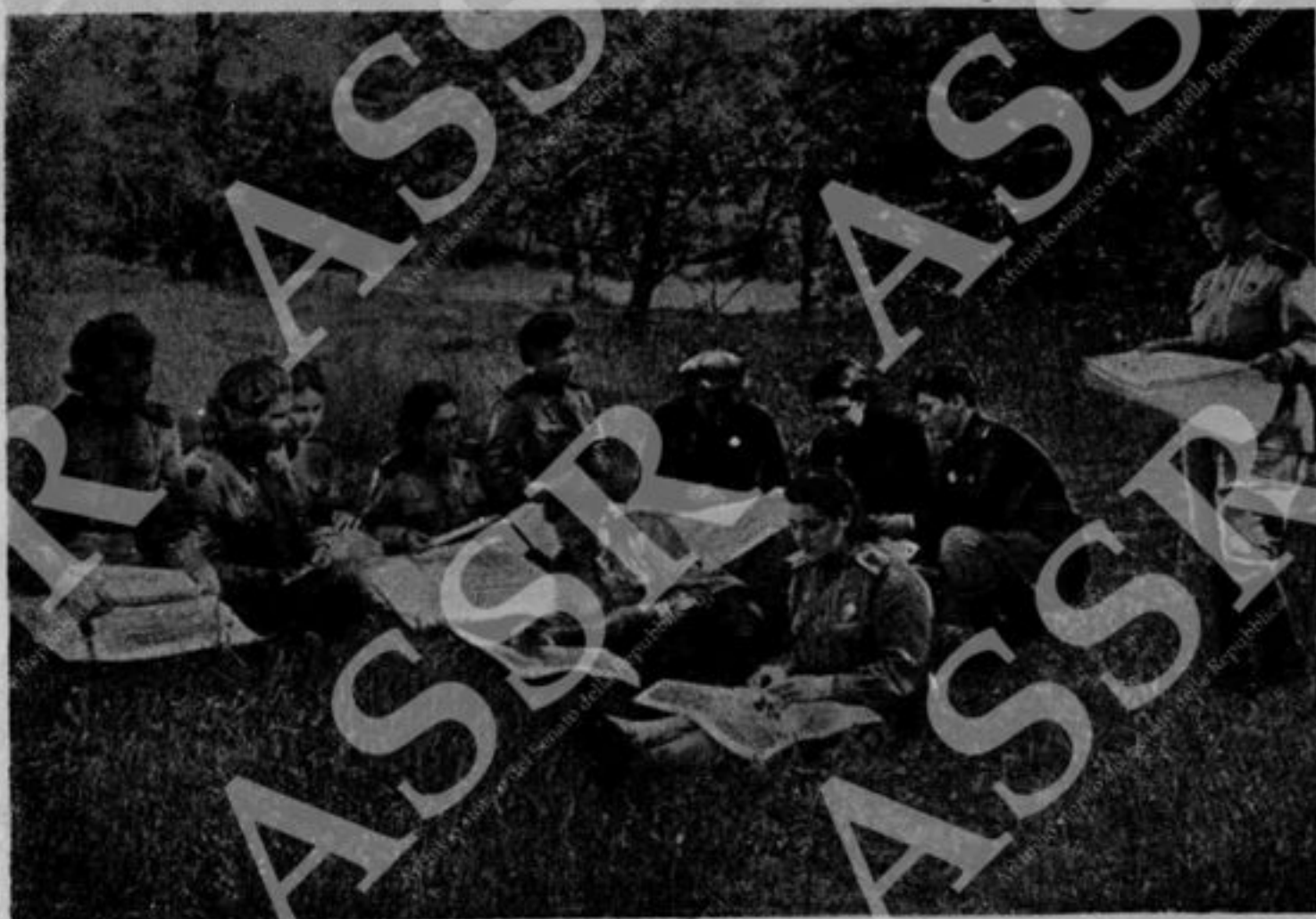
Прошло несколько часов, страсти улеглись. Собрались по эскадрильям, стали спокойно обсуждать случившееся. И тут раздались уже другие речи:

— Надо признаться, что командующий прав. Уже если мы воины да еще гвардейцы, так во всем должны быть похожи на гвардейцев. Порядок должен быть образцовым. Надо подтянуться!

И Галя Докутович записала в своем дневнике:

«...Какой стыд для нашего полка! А в основном хорошо. Хватит гладить нас по головке и называть самыми красивыми девушками. Разбаловали!».

Бершанская, ее начальник штаба и командир соседнего авиаполка майор Бочаров провели совещание. Решили выработать совместный план учебных тревог, новый распорядок нелетных дней и общее расписание занятий. В рас-

Штурман полка Е. Руднева за обучением нового пополнения штурманов

писание включили ежедневные занятия по стрельбе и строевой подготовке. Всему летному составу было приказано заново сдать зачеты по уставам Советской Армии. Общежитие летного состава перевели ближе к аэродрому, запретили жить на частных квартирах.

На фронте к этому времени наступило затишье, боевых заданий полк не получал. Тем напряженнее была учеба.

Этот период девушки прозвали «академическим». Различные конференции — тактические, теоретические, штурманские — следовали одна за другой. Все свободное время уходило на занятия по аэронавигации, на изучение личного оружия, частенько стреляли на полигоне. Летчики «грызли» теорию полетов, разбирая вновь и вновь взлет и посадку. Штурманы часами просиживали за счетной линейкой и картами. Техники терпеливо изучали мотор, самолет. И все вместе, в полковом масштабе, вели строевую подготовку.

Занимались девушки старательно, успешно сдавали зачеты. Вместе с этим успевали и купаться, и загорать, и готовиться к спортивным состязаниям. С нетерпением ждали новых боевых заданий.

Через месяц после памятной встречи с командующим состоялся официальный инспекторский смотр полка. В приказе, подводящем итоги смотра, можно было прочесть, что полк «своим трудом и учебой оправдал себя и с честью носит звание гвардейского».

В новых боях, которые были не за горами, он осенил себя новой славой.

3

В дни боев на Курской дуге противник усилил активность и на Закавказском фронте. Иной раз в тихую июльскую ночь до аэродрома в Ивановской доносились глухие раскаты орудийной пальбы. Гитлеровцы прощупывали наш передний край, наша артиллерия отвечала.

Временное затишье окончилось. Вся авиация, и в том числе ночная легкомобильная, получила задание нанести с воздуха удар по противнику на «Голубой линии» в районе Трудовая—Нижне-Баканская—Гладковская—Крымская—Киевская. Снова начались «ночи-максимум». Число действующих экипажей полка значительно увеличилось. Впервые стали самостоятельно летать в качестве летчиков Наташа Меклин, Женя Жигуленко, Нина Ульяненко, переучившиеся из штурманов. На задания выпускали новых летчиков со старыми штурманами, новых штурманов — со старыми летчиками.

Первые же июльские воздушные бои показали, что противник укрепил свой тыл еще большим количеством прожекторов и зенитных батарей. На некоторых участках включалось до пятидесяти прожекторов, враг открывал убийственный зенитный огонь.

«...Нас с Ирой Себровой обстреляли, — писала Женя Руднева в своем дневнике после одного из июльских полетов. — Держало девять прожекторов в течение пяти минут, стреляли четыре зенитки и мелькала черная пушка до тех пор, пока мы на своей территории не пересекли дорогу на Киевскую.

У Варениковской вражеский истребитель давал ракеты, а тут нас еще в Крымской свои прожекторы схватили. Пришлось ракету дать.

Я только тогда по-настоящему все осознала, когда мы только зарулили, я еще не успела вылезти из кабины, а Ира — выключить мотор, как подбегает Полинка¹ и отчаянным голосом спрашивает: «Кто прилетел?», а Натка² уже стояла около Иры.

Я поцеловала сначала Иру, затем Полинку, и все пошли докладывать.

Мы были разведчиками, ходили парой на дорогу Молдаванская — Русское — Прохладная. В самое пекло... Только пытались после бомбометания пойти туда, тут нас и схватили.

¹ П. Гельман.

² Н. Меклин.

Стояла сплошная стена огня, из прожекторов мы ни на минуту не выходили. Ходить вправо или влево было бесполезно, Ира маневрировала скоростью и высотой.

Когда она один раз круто пошла в пике, у Натки с Полинкой и создалось впечатление, что мы падаем. Они, бедняжки, всю дорогу переживали...».

Враг яростно отбивался.

И в те же дни Галя Докутович писала в своем дневнике:

«...Вчера летали бомбить аэродром. Там «миллион прожекторов». И Натке Меклин они снятся сегодня. Проснувшись и села на кровати. «Натка, ты чего?».— «Понимаешь, не могу уснуть — все время прожекторы снятся...».

Но снова и снова девушки шли в полет и, прорываясь сквозь огненные завесы, в мертвенном, слепящем свете прожекторов, били по врагу. И каждый удар, нанесенный фашистам, отзывался в душе девушек чувством радости и гордости, с лихвой возмещающим все пережитое в бою.

«...Сейчас, когда я стала сама водить самолет в бой, — писала Женя Жигуленко подруге, — я нахожу полное удовлетворение в своей жизни... И смерти я не боюсь. В нашей, советской жизни так много замечательного, величественного, хорошего и благородного, что, защищая ее, ничего не жаль, даже умереть! Если со мной что-нибудь случится, передай это письмо моим дорогим родным, чтобы они знали, что, сражаясь, я думала: как прекрасна моя жизнь.

Поэтому, к слову, у меня такая радостная мордашка на фото. А в действительности — еще радостнее...

И я совсем не устала, как ты думаешь, наоборот — закалилась, крепкая стала и духом и телом!...».

Так думали, чувствовали все. И на страницах армейской газеты «Крылья Советов» (редактор В. Поляков) то и дело появлялись заметки, подобные этой:

Боевая ночь

«Напряженная боевая работа, которую ведут летчики-ночники из гвардейской Н-ской авиачасти, свидетельствует о большом героизме и мастерстве

*Герой Советского Союза
летчица Евгения Жигуленко.
Совершила 968 боевых вылетов*

гвардейцев. В течение ночи они непрерывно находились над целью, нанося по врагу мощные бомбовые удары.

Особенно отличились в этих налетах летчицы Никулина, Попова, Парфенова, Рыжкова, штурманы Радчикова, Масленникова, Гламаздина, Прокофьева. Их экипажи сделали за ночь по девяти боевых вылетов.

Отлично обеспечивали напряженную работу летчиков механики коммунисты Рудакова, Шерстнева, Платонова, Коробейникова и другие. Они быстро устраняли все возникающие дефекты или неисправности, хорошо готовили самолеты.

Тут же славно поработали вооруженцы Вишнева, Логачева, Шептунова, Романова, Тучина. Каждая из них подвесила своими руками сотни килограммов бомб.

До самого рассвета царило на аэродроме оживление. До самого рассвета появлялись над головой врага легкие ночные бомбардировщики, сбрасывая смертельный груз на головы гитлеровцев.

9

В одну из «ночей-максимум» с задания не вернулся экипаж Никулиной—Радчиковой. Через два дня было получено сообщение: командир экипажа и его штурман ранены, лежат в полевом госпитале.

Что же произошло с Диной Никулиной, опытным летчиком?

Она вывела самолет на цель, и в тот момент, когда бомбы были сброшены, цель поражена, со всех сторон к самолету протянулись щупальца прожекторов. Зенитные орудия и пулеметы тотчас открыли ураганный огонь.

Маневрируя, Никулина старалась вывести самолет из зоны обстрела. Тщетно! Гитлеровцы пристрелялись, пулеметные очереди прочерчивали небо огненными линиями, рвались снаряды. Самолет стало судорожно подбрасывать. Никулина почувствовала, что ей обожгло ногу. В это время яркая трасса справа прошла нижнюю правую плоскость и на консоли показалось пламя.

— Товарищ командир, я ранена, — услышала Дина голос своего штурмана Лели Радчиковой.

— Ничего, не волнуйся, — успокоила ее Дина, умалчивая о своем ранении, чтобы поддержать дух своей молодой подруги.

Осколками снаряда пробило бензобак. Огонь охватил плоскость. От бензиновых паров стало тяжело дышать.

— Почему пахнет бензином? — спросила Леля.

— Сиди, сиди! — пробормотала Никулина. — Скоро дома будем!

— Значит, отбились? — теряя сознание, спросила Леля.

— Конечно, отбились! Все в порядке...

Бензин вытекал, мотор давал сильные выхлопы, каждую секунду самолет мог вспыхнуть в воздухе. От боли в ногах, от потери крови у летчицы в глазах стало темно, руки не слушались.

Преодолевая боль, Дина выводила самолет из-под обстрела. Резким скольжением ей удалось сбить пламя. Несмотря на опасность взрыва, она не выключала мотора: каждый оборот винта нес спасение.

Под самолетом еще территория противника. Садиться? Отдаться в руки врага? Ни за что! Дина напрягла последние усилия, перетягивая машину через линию фронта.

— Леля, Леля!..

Но Леля не отвечала. Дина обернулась и увидела своего штурмана, безжизненно склонившего голову набок.

Бензин все тек. Надо садиться. Дина искала подходящую площадку. Внизу мелькнули фары автомашины. Не теряя времени, Дина сделала круг и приземлилась у дороги. Подбежали бойцы, отнесли девушек на руках в свою машину и отвезли в госпиталь. Там Лелю привели в чувство.

Когда осмотрели самолет, то в нем обнаружили свыше двухсот пробоин.

В ту же ночь, в тот же район, где сбили самолет Никулиной, вылетел экипаж Ульяненко — Пасько.

Для Нины Ульяненко это был первый боевой полет, в котором она участвовала как летчик; до этого Нина работала штурманом и овладела летным мастерством недавно, «без отрыва от производства», как говорили в полку. Дуся Пасько, в то время уже штурман эскадрильи, всегда участвовала в таких боевых крещениях.

Когда они вылетели, из-за гор показалась луна. В серебристом ее свете ломаная линия зенитного огня, мерцающая вдали, у цели, казалась похожей на праздничный фейерверк где-нибудь в парке культуры и отдыха.

Подумав об этом, Дуся тут же сказала:

— Нина, набери побольше высоту.

Самолет поднялся на 1800 метров.

*Герой Советского Союза
штурман Полина Гельман.
Совершила 850 боевых вылетов*

Вскоре стал отчетливо виден лесок, где укрывались фашистские танки.

— Подходим к цели, — сказала Дуся.

И только сказала, как увидела, что внизу зажглись шесть прожекторов. Круглые жерла их сверкали, а лучи массивными столбами уперлись в небо.

Дуся знала по опыту: если сказать летчику, что вспыхнули прожекторы, то он невольно станет смотреть на них и может отклониться от курса. Поэтому она не предупредила о них Нину.

И вот — цель. Дуся сбросила бомбы, увидела взрывы внизу, в самом лесочке, там, где сгрудились танки, и после этого сказала Нине:

— Включай свет в кабине! Прожекторы будут ловить.

Но было уже поздно: Нину ослепили лучи прожектора, и на какое-то мгновение она потеряла ориентировку.

Машина дрогнула и крутой спиралью пошла вниз.

Девушкам казалось, что стреляют и светят сверху, а луна — внизу, под ними.

Снаряды зениток разрывались так близко от них, что они чувствовали запах дыма, а самолет содрогался.

— Курс, курс... Высота, высота... — твердила Дуся.

Недолго думая, она схватилась за рычаги управления и стала пикировать.

Видит — луна поднимается.

— Нина, лети на луну!

Но Нина уже сама сделала это. Она взглянула на приборы: высота 800 метров. Значит самолет падал по спирали тысячу метров.

Лучи прожекторов остались где-то сзади. Снова все стало на место: земля — внизу, луна — в выси. Дуся перевела дыхание. Ей почему-то вспомнился свой первый полет, в городе на Волге, когда все померкло в глазах и не было сил даже вылезти из кабины, и она улыбнулась, почувствовав, как запеклись губы.

Снаряды с пронзительным свистом продолжали нестись им вслед. Вдруг самолет вздрогнул, точно живое существо. Дуся скорее почувствовала, чем увидела, что снаряд, пробив насквозь крыло машины, умчался во мглу.

Она мгновенно обернулась: в нижней плоскости зияла громадная дыра, плоскость держалась лишь на соединяющем узле. Тотчас Дуся осмотрела всю машину, насколько это было возможно в воздухе. Картина неутешительная: фюзеляж пробит во многих местах, лохмотья болтаются.

И тут ее охватила тревога за подругу:

— Нина, ты ранена?

— Нет, — ответила Нина. — Какой это пункт?

Дуся уже хорошо сориентировалась. Ее смущало одно: как добраться

Начальник отделения штаба Анна Еленина (слева), штурман Ирина Каширина (в центре) и политработник Зинаида Горман

до аэродрома на таком израненном самолете, дотянет ли он? Должен дотянуть!

И она сказала спокойно:

— Возьми левее на десять градусов. Круто самолет не разворачивай. Как-нибудь долетим, садиться будем с прямой.

Так и долетели.

В воздухе в эту ночь были и Попова, и Смирнова, и Руднева, и Докучович. Все они подверглись большой опасности, но задачи свои выполнили и благополучно вернулись на аэродром. Машины были повреждены, но летчицы уцелели. Многие из них видели, как загорелся самолет Никулиной, пережили из-за этого много волнений, видели и то, каким мастерским маневром летчица вышла из безвыходного, казалось, положения. Жене Рудневой в этот момент вспомнились слова Некрасова о русской женщине:

В игре ее конный не словит,
В беде не сробеет — спасет.
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.

*Летчица Елизавета Казберук.
Совершила 332 боевых вылета*

В течение всего июля полк продолжал боевые действия с тем же предельным напряжением сил. Ни один экипаж не мог избежать зенитного огня противника, его прожекторов. А во второй половине ночи гитлеровцы стали выпускать истребители против легких ночных бомбардировщиков.

Однажды истребитель противника, пытаясь атаковать самолет летчицы Лизы Казберук снизу, попал в лучи своих же прожекторов. Ослепленный, он подал сигнал ракетой, и прожекторы погасли. Это и нужно было Лизе. Резко изменив курс, она вывела самолет из зоны огня. Гитлеровский «ас» остался ни с чем.

Но не всегда бои завершались так благополучно...

Ночь на 1 августа была ясной, звездной.

Оперативная сводка Совинформбюро принесла в этот день радостные вести. Курская битва завершилась полным разгромом врага, надежды гитлеровцев на

реванш после Сталинграда окончательно рухнули. Советские войска, перейдя в контрнаступление, победоносно двигались к Орлу и Белгороду.

Тем ожесточеннее сопротивлялись фашисты на других участках, в том числе и на «Голубой линии».

Воздушные бои той ночи были особенно жестокими. Отбиваясь от атак с воздуха, гитлеровцы напрягли все силы. Зенитные пулеметы и пушки гремели не затихая, словно захлебываясь от ярости.

Женя Руднева с молодой летчицей Клавдией Серебряковой, прорвавшись сквозь стену прожекторных лучей и огня, успешно выполнили задание. Возвращаясь, они вдруг увидели в воздухе пылающий самолет, а потом вспышку от взрыва на земле.

— Наш!.. — молнией пронеслось в голове, и сердце сжалось.

На аэродроме Женя узнала, что сгоревший самолет вела ее первая летчица — Женя Крутова.

Один за другим экипажи возвращались из полета, и девушки все с большим волнением смотрели вдаль, туда, где в небе полыхали зарницы артиллерийской канонады. Вернулись еще не все. Но, может быть, вернуться?

Они ждали напрасно. Полк понес в эту ночь тяжкие потери.

Защищая Родину, мужественно сражаясь за свободу, честь и независимость советского народа, пали смертью храбрых Галя Докутович, Ирина Каширина, Аня Высоцкая, Лена Сальникова, Саша Рогова, Женя Сухорукова.

Девушки тяжело переживали свое общее горе. Не верилось, что они не услышат, не увидят больше любимых подруг.

На кровати Иры Кашириной еще лежали три больших груши и два яблока: днем она попросила Катю Бройко принести ей фруктов. Сашу Рогову ждало письмо из дому — ее дочке исполнилось три года. А Галя Докутович — трудно было представить, что нет ее больше, такой жизнерадостной девушки.

Уже потом, читая ее дневник, все узнали, что она не долечилась, что, сражаясь, она скрывала от всех мучительные страдания, которые причиняла ей не зажившая до конца рана. На людях неизменно бодрая, веселая, она лишь наедине сама с собой признавалась: «У меня болит там, внутри...». «Опиум перестал действовать, опять поднимается боль...».

И сама порой дивилась себе: «А вот ведь какая я! С тоской, большой и тяжелой, могу петь, смеяться и шутить: никто, глядя со стороны, не проник бы в душу».

Она воевала неутомимо, ничего не страшась. Щедрая ее душа жаждала опасностей, «без скидки на женскую бедность», как писала она в дневнике.

Когда Галя была в госпитале, к ней пришла первая любовь. Он был летчиком-истребителем. Снова и снова вспоминала она долгие, горячие и немного путанные разговоры обо всем, которые вела с любимым, — разговоры, в которых оба они не были откровенны до конца, считая, что пока война, сердце должно молчать. Но в неотосланном стихотворении своему любимому Галя сказала все. Вот оно:

Где же ты, друг мой? Опять ты далеко,
Сокол мой ясный. И вновь я одна.
В сердце неволью вползает тревога,
Жадит вместе ядовитой она.

Хочется знать и о чем ты мечтаешь,
Хочется слышать, как ты говоришь.
Видеть хотя бы, как ты пролетаешь
В небе широком. Но ты не летишь!

Если б могла я своею любовью
Скрыть твоё сердце от пуль и огня!
Пусть моей кровью и жизни ценою,
Лишь бы ты счастлив был, гордость моя!..

И опять, опять она шла в боевые полеты, добиваясь их настойчиво, решительно. За короткое время после возвращения из госпиталя она успела сделать свыше 120 боевых вылетов. Почти каждый из них приносил немалый урон врагу, вносил новую долю в святое дело разгрома фашистов.

Ирина Себрова была в Ессентуках, когда произошло несчастье с четырьмя экипажами. Вернувшись в полк и узнав о гибели подруг, она не находила места, не могла себе простить, что отдыхала в то время, как девушки сражались, проливали кровь.

И прежде Ира рвалась в полеты, а тут ей совсем удержу не стало. Занималась заря, нужно было маскировать самолеты, а она после четырех—пяти, а то и больше вылетов упрашивала командира полка:

— Разрешите, слетаю еще раз!

В одну из августовских ночей экипаж получил задание вылететь на бомбардировку в тот район, где погибла Галя Докутович, особенно близкая Себровой. Ни один полет еще не казался ей таким желанным, как этот. И Женя Руднева, летевшая с нею штурманом, хорошо понимала Иру...

Вслед за самолетом Себровой — Рудневой к той же цели полетела машина Меклин — Лошмановой.

Сначала все шло отлично. Миновав заградительный огонь, Себрова быстро и точно вывела самолет на цель. Это было скопление автомашин противника, фашистская моторизованная пехота. Полетели бомбы, донеслись взрывы — враг полной ценой расплачивался за свои злодеяния!

Но тут вспыхнули девять прожекторов. Самолет попал в сетку лучей, и фашистские зенитчики, разъяренные тем, что опоздали, открыли неистовый огонь. Себрова стала маневрировать, делая резкие повороты то вправо, то влево, а потом стремительно бросила самолет вниз.

Наташа Меклин, уже выполнившая задание и направлявшаяся обратным курсом, видела все это. Ей показалось, что самолет Себровой подбит, падает. Так она и доложила командиру, вернувшись на аэродром.

Но Ирина с Женей недолго заставили подруг волноваться: они скоро прилетели, и на машине их, ко всеобщему удивлению, не оказалось ни одной пробоины. Зато врагу дорого обошелся этот полет.

